

ЛЕКСИЧЕСКАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПТА «РАДОСТЬ» В ТВОРЧЕСТВЕ ПУБЛИЦИСТА В.ПЕСКОВА

В изучении языковой личности лингвокогнитивный, тезаурусный уровень (лексикон) занимает важное место. Именно с возможности индивидуального выбора, с личностного предпочтения одного понятия другому и начинается языковая (речевая) личность. В качестве единиц этого уровня рассматриваются обобщенные (теоретические или обыденно-житейские) понятия – концепты. На сегодняшний день концептуальный подход к анализу сущностных характеристик языковой системы личности получил широкое распространение [1–6]. Важно отметить, что этот же подход лежит и в основе многих работ, посвященных изучению языковой картины мира того или иного субъекта речи [7, 8]. В качестве основных концептов мы выбираем те, которые автор публицистического текста открыто декларирует для себя и для других людей – читателей. Последнее особенно важно, т.к. в этом проявляется социальная сущность выступлений очеркиста.

Одним из основных лейтмотивов в творчестве В.Пескова является идея *радости*. В данной статье мы подробно остановимся на анализе концепта «Радость» и соотносимых с ним понятий в очерках публициста, так как сам очеркист особо выделял этот концепт в своем творчестве. Одну из авторских сентенций «*Всякое проявление жизни дает ощущение радости бытия*» можно поставить в качестве эпиграфа к той части его творчества, которая посвящена природе, то есть ко всем проанализированным нами очеркам журналиста в рубрике «Окно в природу» (газета «Комсомольская правда»).

Любая лейтмотивность свидетельствует о целостности творческого мира автора, особенно лейтмотивность тем, проблем, образов. Словесная же лейтмотивность особым способом цементирует каждое конкретное произведение, связывает между собой разные произведения. Под словесным

лейтмотивом мы понимаем «повторяющийся элемент поэтики произведения (текстуальный эквивалент, языковая манифестация), который отличается смысловой значимостью и характеризуется смысловым приращением в маркированном отрезке текста» [9]. Понятие радость характеризуется двумя основными параметрами: это соотнесенность с самим чувством радости и с теми качествами предмета или объекта, которые вызывают чувство радости.

К словам, обобщающим чувства радости, относятся общие аксиологические оценки, языковые элементы, выражающее общее настроение, эмотивные состояния (в данном случае позитивные) субъекта речи: «В лесу *хорошо* ходить всяко: ватагой – аукаться, собирая грибы, и петь под гитару у костра песни; вдвоем, когда локтем толкнешь спутника, и он без слов понимает *общую радость*. И одному *хорошо!*» (Радость на птичьих крыльях); «А сколько *радости* дают человеку чистые воды бегущих горных ручьев и речек, зеркальная вода озер, обрамленная кувшинками и пахучими травами. Человек, выраставший возле воды, уносит из детства *самые радостные впечатления*» (Обыкновенное чудо); «Этот особый, прогретый солнцем плодоносящий мир – *радость* для путника, утомленного равнинной степной дорогой» (Грушевый лес); «Наибольшее *удовольствие* доставили нам медведи и волки, живущие вместе» (Волки просили хлеба). В этих примерах языковой манифестацией чувства радости являются общие аксиологические оценки: *хорошо*, *самые радостные впечатления*, эмотивные состояния *радость*, *удовольствие*. Во многих высказываниях В.Пескова к языковым элементам, выражающим это чувство, добавляются те характеристики объектов, которые вызывают эти состояния: «Встретить свиристелей и снегирей в заснеженном лесу или парке – на весь день *радость*. *Ничто не украшает* зимний мир *лучше*, чем кисти рябин и две эти *очень нарядные* птицы» (Боярышня); «Более часа я просидел *очарованный* комарами, *нежными* златоглазками, жуками черными и ярко-красными или как будто кованными из вороненой стали» (Мир Гребенникова). Текстовым эквивалентом радости в данных примерах является причастие

очарованный, выражающие радость характеристики: *очень нарядные* птицы, *нежные* златоглазки.

Радостью окрашено в очерках В.Пескова восприятие не только видимых, приятных для глаз явлений, но и слышимого мира: «Киньте камешек на тонкий, недавно образовавшийся на пруду лед и вы услышите череду замирающих звуков: тек-тек-тек...Вот он первый урок звуковой *радости*. А как развито чутье и как *приятны* сочетания песенных звуков птиц!...Даже барабанная дробь дятла по дереву заставляет остановиться и прислушаться *с радостью*» (Чарующий звук). Радостными впечатлениями характеризуются и более обобщенные, и даже абстрактные явления: «*Первые дни* в октябре были *волшебными*» (В гостях у лесничего); «На свет моего фонарика летели мохнатые бабочки. В сухой траве гремели кузнечики. Через тропинку прыгали жабы. И в темноте в ивняках журчала вода...*Благословенный август!*» (Август благословенный).

Интересно отметить, что к объектам природы, способным очаровывать и радовать человека, В.Песков относит не только животных и растения, но и такие явления неживой природы, как камни: «Посмотрите на эти камни. Игрою ветров и воды за многие годы создано *чудо. Чудо!*» (Памятники природы). А иногда даже и не явления природы, а какие-либо диковинные детали пейзажа: «*Радость* была немаленькая, когда в глубокой долине, заросшей непролазным шиповником и еще каким-то цветущим кустарником, мы увидели древний каменный дом с колесом на боку. Мельница!»; «Водяные мельницы стали представляться мне вымершими мамонтами. И вдруг одну из них обнаружил я на брянской земле. Это был *праздник*» (И ветра шум, и шум воды). Очеркист называет подобные явления «изюминками» и призывает журналистов находить их и рассказывать о них читателям.

Спектр радостных человеческих переживаний в очерках В.Пескова широк. *Счастье, восторг, радость, удовольствие, наслаждение, очарованный, чудо, волшебный, благословенный* являются словами, в которых сема радости проявляется наиболее интенсивно. Есть примеры менее интенсивных

переживаний: «Мы видим ее (интимную жизнь животных – М.К.), сидя на мягком диване за чаем. В сознании нашем остается *теплое чувство*»; «И было на душе *хорошо и тепло*» (Радость на птичьих крыльях), «Сурикаты хорошо приручаются, очень *забавны* при жизни в доме, и местное население держит их иногда вместо собак и кошек как *исключительно приятных животных*» (Часовые пустыни). В этих предложениях интенсивные впечатления: *хорошо и исключительно приятные* дополнены менее интенсивными: *забавны, теплое чувство*. В некоторых случаях автор использует названия позитивных реакций, не содержащих эту сему, но и эти авторские высказывания создают у читателя положительные впечатления: «Все, кто видел сурикат, проникаются к ним *уважением. Смелые, любознательные, дружные, трудолюбивые*, они обитают в местах, не слишком благоприятных» (Часовые пустыни). «Заразиться *бы* нам *мудростью*, а не безумием!» (Памятники природы). Слова *мудрость* и *уважение* являются квалификаторами не эмоциональных характеристик личности, а интеллектуальных. Однако благодаря своему высокому положительному потенциалу они способны в данном контексте возбуждать эмоциональные чувства.

Многие свои творческие идеи автор воплощает через метатексты, включенные в авторское повествование. Идея человеческой радости в ответ на радость животных нашла свое отражение в чужом тексте. В очерке «Медовая западня» герой – таежный житель Ерофей – почти умирает от голода, но не убивает рябчика только из-за того, что «так *весело, хорошо* было ему глотать березовые почки». Увидев этого рябчика на следующий день вновь за радостным поеданием березовых почек, Ерофей заговорил с птицей. И что-то изменилось в сердце таежного скитальца: «Солнышко уже припекало, и стало *хорошо* у меня на душе. Даже и умереть было *не страшно*». Эти слова Ерофея, употребленные в авторском тексте, способны взволновать любое сердце.

Использование чужой речи в разработке основной темы может носить еще более активный характер: «Я рассказал ей, как журавли весной танцуют, разбившись на пары, кричат так, что голоса их сливаются в один

торжествующий звук любви. Старушка слушала внимательно и, прощаясь, сказала три слова: «Какой вы *счастливый...*». Яснополянский мудрец говорил то же самое в дневниках: «*Счастье* – это быть с природой, видеть ее, говорить с ней» (Радость на птичьих крыльях). В этом высказывании автор с помощью чужих текстов возводит важный концепт своего творчества – *радость* – в высшую степень – *счастье*.

В особый подраздел можно выделить разработку в очерках В.Пескова темы *радости в жизни животных*: «Речь не идет о явлении симбиоза, когда два вида животных извлекают из сожительства взаимные выгоды, речь идет об истинной дружбе, в которой два существа обретают *общую радость общения*» (Водой не разлить); «Игры животных – *это радость движений*, сопряженных с познанием окружающего мира и познанием себя самого... С какой *радостью* носит собака вам палку, с каким *наслаждением* кувыркается, впервые познав эту *радость*, молодой барсучок...» (Игра); «Звуки птичьего пения нас *чаруют*. Но ведь они изначально предназначены не для человеческого уха. Их должен слышать спутник их жизни. Отчего ж не подумать, что песня и у него вызывает чувства, сходные с человеческими, – *чувства радости*»; «Но совершенная слуховая система, можно предположить, *с радостью* воспринимает и просто *приятные* звуки, а их *гармоничное* сочетание доставляет даже и *удовольствие*» (Чарующий звук). Чувства радости, испытываемые животными, журналист облачает в не менее разнообразные формы, чем человеческие чувства: *радость, наслаждение, удовольствие, приятные звуки, гармоничное сочетание*.

В очерке «Игра» радость животных является словесным лейтмотивом, пронизывающим все произведение. В тексте слово *радость* встречается 7 раз, эквивалентное ему слово *удовольствие* – 2 раза. Помимо этого можно выделить слова, семантически соотносимые с главным понятием: *наслаждение, всласть, нравится, любимая игра, самозабвенно*. Не менее густо насыщен подобными языковыми элементами и текст очерка «Чарующий звук»: *радость* – 4, *удовольствие* – 4, *приятные* – 3, а также слова: *восторг, наслаждение,*

воодушевить, привлекательный. Тема радости животных является в очерках одним из куплетов общей оды очеркиста, посвященной радости жизни, испытываемой человеком: «Прозрачные крылья у них сверкают слюдой, полет *переливчат как музыка*. Иногда парочка садится на твой удочный поплавок передохнуть, и *радость* жизни, переполняющая стрекоз, передается всем, кто их наблюдает» (Летающий мир).

Позитивное переживание, эмоциональное потрясение, возбуждение впечатления – эти эмоциональные задачи В.Пескова в его очерках имеют **эстетический эффект**. С этих позиций роль эмоционального элемента в публицистическом произведении можно оценивать как стержневую художественную характеристику: «Важное отличие знака художественно-образных языков заключается в том, что их системы сформировались в тесной связи с прямыми чувственными формами отражения и до сих пор сохранили эту связь» [10, с.21]. Очерки В.Пескова демонстрируют и обратный процесс, когда эстетическое переживание рождает эмоциональный эффект: «И, наконец, *красота...* С малого возраста ее олицетворяют цветок и бабочка... Ни на что другое в животном мире не потрачено столько *изящества*, выдумки, *красоты...*» (Мир Гребенникова); «Первое впечатление: очень *красива!* Огромные оранжевые глаза *забыть невозможно*», «*Прекрасная* белая птица – *украшение* скудной суровой земли» (Снежная бабушка), «*Полосатые, удивительной красоты* поросятки...» (Потомки вепря); «Беззвучный, веселый их хоровод на отражающей синеву неба воде – *праздник для глаза*» (Бегущие по воде). *Удивительная красота, очень красива, изящество, гармоничность, живописный, прекрасная, украшение, переливчат как музыка, очень нарядные, нежные, очарованный, праздник для глаза* – эти сигналы эстетического в тексте создают определенное эмоциональное настроение: «Посредством эстетической ценности искусство, таким образом, прямо воздействует, на самые главные регуляторы человеческого поведения и мышления – на чувственное и волевое отношение к миру» [11, с.120].

Многообразие лексических элементов, сопровождающих концепт «радость», присутствие их во многих очерках позволяет сделать вывод о том, что словесный лейтмотив *«радость»* в творчестве В.Пескова сформировался в лейтмотив-тему и лейтмотив-образ, образ яркий и выразительный, в основе которого заложены эстетические и эмоциональные характеристики: «Удалите все это из жизни или по нерадивости потеряйте (это возможно при варварском отношении человека к Природе), и жизнь потеряет *краски* и главный *источник радости*» (Радость на птичьих крыльях). Слова *краски* и *источник радости* соответствуют эстетическому и эмоциональному. Подобного рода авторские высказывания являются программными, в которых обозначаются не только жизненные, но и творческие позиции автора

В сегодняшнее время весьма актуально выделить еще один эффект, производимый творчеством В.Пескова и являющийся своеобразным результатом сплава эстетического и эмоционального, — это ***психотерапевтический эффект***. Помимо позитивного посыла, формирования определенного отношения к природе, форма и содержание его очерков вносят элемент умиротворения и успокоения в чувства читателей. Это тем более важно сейчас, когда журналистика является в основной своей массе стрессором, психологическим, а иногда и социальным дестабилизатором аудитории. В.Песков рассматривает природу как гармонизирующий фактор и старается своими произведениями внести гармонию в жизнь читателей: «Сколько раз после трудного дня я приходил в себя и, успокоенный, засыпал, стоило только вспомнить рябины, верещанье дроздов, желтые бурьяны и лосей, жующих кислые яблоки» (Грушевый лес). А читателям рекомендует самым внимательно наблюдать за природой и запечатлевать в памяти чудные места: «И каждый из нас может припомнить пусть не такую *диковину*, а хотя бы просто большой камень-валун возле дороги либо выветренную до сходства со зверем скалу или пещерку, студеной ключ, бьющий на дне оврага, *живописный обрыв с интересными* обнажениями, озеро или болотце в пойме реки, колонию

цапель в лесу, селение ласточек-береговушек. Всего не перечислить» (Памятники природы).

Лирическая окраска очерков В.Пескова выявляет в его портрете не только черты художника, но и черты поэта. Тем более сам очеркист нередко использует слово «поэтическое» в качестве позитивной оценки тех или иных явлений, связанных с природой: «Хрипловатое кукование не только напоминает: «время идет», но и служит *поэтическим образом* времени» (Радость на птичьих крыльях); «По рассказам я представлял *поэтический мир* мукомольных снарядов, приводимых в движение ветром и теченьем воды» (И ветра шум, и шум воды); «Сознание, что их зелеными и цветущими видели наши далекие предки, рождает у одних *чувство поэтическое*, у других почти религиозное», «Сам по себе интересный и достойный называться памятником природы, он вдруг оказался тут *поэтическим символом*, организующим центром в оваянных блоковскими стихами местах» (Памятники природы).

Надо сказать, что эти художественные процессы глубоко и полно вовлекают **читателя** в область авторского мирозерцания, формируют в его душе собственный, но подобный авторскому, очень личностный взгляд на мир. Переживание, в котором реализуется эстетическое отношение, является наиболее неотрывной от индивидуальности формой личностного, субъективного восприятия мира.

Очень важным элементом, влияющим на процесс проникновения авторского сознания в сознание адресата, является включение в высказывания семы 2-го лица. Автор может непосредственным образом включать читателя в текст («с какой радостью носит собака вам палку»); еще более активны в плане воздействия апеллятивы («киньте камешек... и вы услышите череду замирающих звуков»; «посмотрите на эти камни»; «удалите все это из жизни...»). Это может быть и «мы» обобщенное: «звуки птичьего пения нас чаруют»; «и каждый из нас может припомнить...», и инфинитивная форма глагола («встретить свиристелей и снегирей в заснеженном лесу – на весь день радость»). Читатель присутствует и в обобщенно-предметных по

значению местоимениях (*«и радость жизни... передается всем, кто их наблюдает»*), а также в лексеме «человек» (*«сколько радости дают человеку чистые воды»*).

Присутствие читателя в позитивных программных высказываниях автора способствует налаживанию доверительных отношений между журналистом и аудиторией. Автор делает адресата своим другом, соавтором, сопереживателем, сонаблюдателем. Мы специально акцентируем на этом внимание, так как в речевых действиях «сентенция» и «директива», которые характерны для очерков В.Пескова, наблюдается некоторый налет назидательности и дидактичности. Эти характеристики, обычно соотносимые с личностными параметрами, способны затруднять процесс общения. Активной установкой на доверительные отношения автор успешно, на наш взгляд, преодолевает этот барьер.

Следует сказать, что назидательность, дидактичность и директивность могут являться и авторскими установками, особенно когда дело касается очень сложных на современном этапе взаимоотношений человека и природы. Многие журналисты, пишущие на экологическую тему, активизируют эти текстовые параметры в произведениях, придавая своим выступлениям обличительный характер. У В.Пескова установки другие. Он ориентирован *на положительные конструкторы*, своим творчеством он призывает не бороться за природу, а любить ее, вполне справедливо считая, что любовь более, чем принуждение, способна на *созидание*.

Немалый вклад в формирование позитивных векторов, направленных от человека к природе, вносит в очерки В.Пескова разработка *темы «природного» человека*, человека, живущего природой, любящего ее, заботящегося о ней. Автор не скупится на положительные оценки таких людей: «Возле этого чуда мы и сняли Сергея Михайловича Новикова, *замечательного русского лесничего, доброго, любознательного, гостеприимного человека*» (В гостях у лесничего); «*Счастливое сочетание многих способностей* видим мы в этом *умельце*. Мир насекомых он знает и *любит* с такой же *преданностью*,

каким прославился Фабр», «Мой мир» – это яркий рассказ *об интересной, не бестолково прожитой жизни, жизни не рядовой, жизни замечательного человека*» (Мир Гребенникова); «Всего в деревне, по прикидам *доброто* старика, вывелось более трех тысяч птиц» (Столица аистов – Илемно). Доброта к животным, любовь и преданность к ним становятся базовыми позитивными характеристиками в оценке журналистом таких людей.

Журналист положительно характеризует за любовь к природе не только отдельных персонажей, в своих поездках автор оценивает подход к этой проблеме жителей тех стран, по которым он путешествует. Например, усилия американских энтузиастов охраны природы в очерке «Они еще держатся» В.Песков называет *благородными*, их работу *ответственной*, отмечает их *великолепный, грамотный, с размахом и основательностью* подход к проблеме. Не менее положительно оценивает он и опыт шведов: «Дикая природа в *системе ценностей* шведов стоит на *заметном* месте», «О *любви* шведов к природе мне *много* рассказывали», «Это Стокгольм. В нем много зелени, много чистой воды и, видно, *неплохи* люди, которым животные *доверяют*» (Барсук в подворотне).

Позитивный контекст снижает назидательный характер многих директив: «Нашлись, однако, *энтузиасты*. Мир орнитологов с *величайшим* вниманием следил за *ответственной* их работой... А для всех озабоченных «уходящими» это *пример*: от какой, казалось бы, безнадежной черты можно «уходящего» отвести» (Они еще держатся); «Не знаю, кто это сделал, но я порадовался *мудрости* этих людей (или одного человека)... *Заразиться бы* нам мудростью, а не безумием!» (Памятники природы). «В раздрызганной нашей жизни они донкихоты... И *долг* наш не посмеиваться над такими людьми, а протянуть им руку поддержки» (Глухарина школа). Помимо контекста, роль нейтрализаторов назидательности играют в этих примерах и обобщенно-предметные местоимения (*для всех, нам, наши*), через которые автор обращается к своим читателям с призывом, при этом автор не разделяет себя с читателем. Мы уже отмечали, что в подобных фразах необходимость следования призывам

и указаниям опирается не на логику изложения материала, а на эмоционально-психологическое содержание данного текста.

Таким образом, в качестве преобладающих параметров в творчестве журналиста мы отмечаем позитивные характеристики, определяющие взаимоотношения человека и природы. Однако анализ этих взаимоотношений был бы недостаточным, если бы мы ограничились только обозначенными выше тематическими направлениями. Безусловно, авторское внимание к теме природы, ее преобладание в творчестве В.Пескова во многом определены индивидуально-личностными пристрастиями публициста, особенностями его мировосприятия и мирозерцания, действием древнего психологического закона – «от избытка сердца говорят уста». И мы можем только приветствовать то, что в сердце журналиста есть этот избыток радости и любви к природе, которыми он охотно и плодотворно делится с читателями.

Но в журналистике тематика выступлений зависит во многом от такого профессионального явления, как социальный заказ или социальная позиция автора [12, с.74-83]. И, к сожалению, социальный заказ в случае с журналистом В.Песковым диктуется далеко не радостными и любвеобильными взаимоотношениями человека с природой. Причиной активной профессиональной деятельности публициста В.Пескова является желание остановить крайне негативный процесс разрушающего воздействия человека на природу: «*Человек силой своей подавляет все сущее на Земле, – пишет он в одном из своих очерков (Ну, заяц, погоди).* – И наши симпатии всегда на стороне слабых», – добавляет автор при этом. Если в словесном выражении своей главной темы журналист опирается на эстетический параметр (природа приносит человеку красоту и радость), то мотивировкой его творчества является *этический* параметр (надо остановить разрушение природы человеком).

Таким образом, анализ основополагающих концептов, реализуемых в очерках В.Пескова, выявил основные направления разработки главной темы автором. В разрабатываемых концептах четко проявляются мировоззренческие

и творческие установки очеркиста, входящие в структуру речевого портрета, и концепция авторского восприятия природы, а именно: природа приносит человеку красоту и радость. Данная концепция раскрывается с помощью разнообразных и многочисленных языковых элементов, группирующихся вокруг понятия-концепта «радость» и формирующих позитивный эмоциональный посыл. Разработка данного концепта в речевой структуре очерка тяготеет к эстетическим категориям.

Позитивная концепция является в очерках журналиста ведущей, определяющей во всем творчестве В.Пескова. В этом проявляется авторская установка *на положительные конструкты*, чем его творчество заметно выделяется на общем фоне современных разрушительных журналистских тенденций: стремлению к сенсационности, ажиотажности, ориентированности на скандалы, криминал, компромат, на удовлетворение примитивных потребительских интересов: «В нынешнем переходном состоянии нашего бытия Василий Песков утверждает самоценность жизни как таковой при всех ее трудностях и житейских заботах. Это важно делать всегда, но сегодня особенно важно» [13].

При эмоциональной разнонаправленности мировоззренческих установок в очерках В.Пескова выявлена единая эмоционально-эстетическая творческая концепция, в которой эмоциональное и эстетическое занимают равноправные и взаимозависимые позиции, позволяющие выделить в речевом портрете очеркиста черты художника, лирика, поэта и пламенного публициста.

Эмоционально-чувственный компонент органически вплетается в контуры очеркового повествования, способствует авторской убедительности и воздействию эффекту: «Фундаментальное значение имеет тот факт, что конструктивный принцип газетной речи требует и лингвистически разрешает сопрягать в едином акте творчества интеллектуальное и эмоционально-волевое» [14, с.111]. Пример публикаций В.Пескова указывает на то, что проявляющаяся в речевом портрете личность автора, концентрирующая в тексте мировоззренческие и творческие концепции, мировосприятие и

установки, является художественным стержнем произведения: «Искусство – это прежде всего программируемая сенсуализация окружающего мира, даже если оно и воспринимается как нечто иное» [15, с.259].

Чувственное, эмоционально-эстетическое восприятие природы – особая личностная характеристика человека. Философами, психологами, литературоведами оно называется «переживанием природы», **«чувством природы»** [16, с.5-14]. Чувство природы, благоговение перед жизнью ученые теснее всего связывают с эстетическими эмоциями. В художественно-публицистическом творчестве В.Пескова качество художественного изображения определяется, по нашему мнению, именно этими чувствами, так как они синтезируют в себе мировоззренческий аспект и чувственное восприятие естественной среды. Глубокое переживание природы всегда было свойственно лучшим писателям и публицистам [17]. Русская классика дает нам ярчайшие примеры благоговейного отношения к природе в творчестве А.С.Пушкина, А.П.Чехова, Л.Н.Толстого, И.А.Бунина, А.И.Куприна. Литературное и публицистическое творчество более поздних авторов – М.М.Пришвина, К.Г.Паустовского, Ф.А.Абрамова, В.М.Шукшина – является продолжением лучших традиций нравственно-художественного осмысления мира, в основе которого лежит благоговейное отношение к окружающему нас миру. В этом мы видим и основную ценность творчества В.Пескова, его роль и значение для тех людей, которые много лет соприкасаются с произведениями публициста. Используя свой дар, публицист закладывает в умы и сердца своих читателей важнейшие основы человеческой личности: «Чувство природы должно приобрести значение важнейшего компонента мировоззрения и особые задачи по его формированию будут возлагаться на процесс воспитания, при этом увеличится значение философского, эстетического и особенно нравственного аспектов чувства природы» [16, с.13].

ЛИТЕРАТУРА

1. Сергеева Е.В. Проблема интерпретации термина «концепт» в современной лингвистике // Русистика: лингвистическая парадигма конца XX века. СПб., 1999.
2. Логический анализ языка. Культурные концепты. М., 1991.
3. Языковая личность: культурные концепты. Волгоград, 1996.
4. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М., 1998.
5. Буянова Л.Н., Журавлева О.А. Концепт «любовь» как экспликатор эмоционального поля языковой личности // Языковая личность: жанровая речевая деятельность. Волгоград, 1988. С.22-23.
6. Воркачев С.Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт, становление антропоцентрической парадигмы в языкознании // Филологические науки. М., 2001, №1. С.64-72.
7. Корнилов О.А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. М., 1999.
8. Вендина Т.И. Русская языковая картина мира сквозь призму словообразования (макрокосм). М., 1998.
9. Зыховская Н.Л. Словесный лейтмотивы в творчестве Ф.М.Достоевского. Автореф. дисс...канд. филол. наук. Екатеринбург, 2000.
10. Орлова Т.И. Гносеологический анализ природы художественного мышления. Автореф. дисс...канд. филос. наук. Киев, 1981.
11. Макаревич Я. Исследования по эстетике и теории искусства. М., 1994.
12. О взаимоотношении личного и социального в творчестве публициста см: Солганик Г.Я. Автор как стилиобразующая категория текста // Вестник Моск. ун-та. Сер.10. Журналистика. 2001, №1. С.74-83.
13. Сунгоркин Владимир из беседы с читателями газеты «Комсомольская правда» // <http://www.billi.kp.ru/kollekt/Peskov/>.
14. Пронин Е.И. Текстовые факторы эффективности журналистского воздействия. М., 1981.
15. Боров В.Ю., Коваленко А.В. Культура и массовая коммуникация. М., 1986.
16. Гурленова Л.В. Содержание понятия «чувство природы» // Природа и человек в русской литературе. Материалы Всероссийской научной конференции. Волгоград, 2000. С.5-14.
17. См. об этом: Природа в художественном мире писателя. Волгоград, 1994; «Чувство природы» в русской литературе. Сыктывкар, 1995; Эстетика природы. М., 1994.